

Повседневная жизнь работников-мигрантов в тувинских и молотовских лесных хозяйствах в 1940–1950-е гг.

Анна С. Кимерлинг, Владислав В. Шабалин

НИУ «Высшая школа экономики», Российская Федерация

В статье реконструируется и сравнивается повседневная жизнь работников лесного хозяйства Тувинской автономной и Молотовской областей в 1940–1950-е гг. Источниками послужили материалы государственных архивов территорий. В качестве теоретико-методологического подхода выступает теория повседневности в понимании М. де Серто, который описывает способы действия людей через понятие властных стратегий и ответных тактик. Теория Д. Норта об институциональной ловушке помогает объяснить значимость неформальных тактик для решения формальных задач.

В обеих областях система управления лесным хозяйством сформировалась в послевоенные годы. Практически всех работников лесного хозяйства можно отнести к разным категориям мигрантов. На работу в леспромхозы набирали рабочих различными способами — в Туве преобладал оргнабор, на работу в лесхозы «уговаривали» перейти колхозников, проживавших в сельской местности, руководящие кадры рекрутировались с других территорий СССР. Молотовские рабочие в большинстве своем были набраны по трудовой мобилизации или попали на Урал в результате депортации. Леспромхозы обеих областей испытывали текучку кадров и постоянную нехватку рабочей силы. В том числе, это объясняется трудностями, с которыми работники сталкивались в повседневной жизни.

Проблемы в обеих областях были схожими: обеспечение жильем было недостаточным, многие приезжие лесозаготовители жили в бараках, зачастую их не приравнивали к категории общежитий и не обеспечивали постельными принадлежностями, в поселках скапливался мусор, имела место частая задержка заработной платы, не хватало продуктов питания, кормили плохо. При этом надо было участвовать в неоплачиваемых воскресниках, подписываться на госзаймы. Скучный быт должен был компенсироваться идеологической работой партийных инстанций, но они зачастую не справлялись в послевоенные годы с этой задачей. Досуг был очень ограничен, дома культуры были только в городах и поселках.

В обеих областях можно выделить схожесть властных стратегий, направляемых центральной властью, а также проблем профессионального и бытового характера, но зачастую разные тактики решения проблем, обусловленные политическими, территориальными и культурными особенностями областей.

Ключевые слова: Тува; Тувинская автономная область; Молотовская область; лесное хозяйство; леспромхоз; повседневность; миграция; заработная плата; норма питания

Статья подготовлена при финансовой поддержке НИУ ВШЭ (проект «Миграции в социально-экономическом, демографическом, культурном и человеческом измерении (кейсы Пермского края и Республики Тыва в 1920-х — начале 1960-х гг.)»).

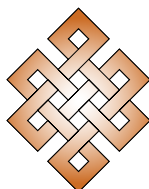
Для цитирования:

Кимерлинг А. С., Шабалин В. В. Повседневная жизнь работников-мигрантов в тувинских и молотовских лесных хозяйствах в 1940–1950-е гг. // Новые исследования Тувы. 2025. № 4. С. 75–90. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.5>

Кимерлинг Анна Семеновна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин НИУ «Высшая школа экономики». Адрес: 614070, Россия, г. Пермь, ул. Бульвар Гагарина, д. 37А, каб. 219. Эл. адрес: akimerling@hse.ru

Шабалин Владислав Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин НИУ «Высшая школа экономики». Адрес: 614070, Россия, г. Пермь, ул. Бульвар Гагарина, д. 37А, каб. 219. Эл. адрес: VShabalina@hse.ru

The daily life of migrant workers in Tuvan and Molotov forestry in the 1940s and 1950s

Anna S. Kimerling, Vladislav V. Shabalin

HSE University, Russian Federation

This article reconstructs and compares the everyday experiences of forestry workers in the Tuvan Autonomous Oblast and Molotov Oblast during the 1940s–1950s. The study is based on materials collected from state archives of the respective territories. The theoretical and methodological framework employed is the theory of everyday life as interpreted by M. de Certeau, who describes people's modes of action through the concepts of power strategies and responsive tactics. D. North's theory of institutional traps provides an explanatory model for the significance of informal tactics in solving formal tasks.

In both regions, the management system of forestry enterprises was established in the postwar period. Practically all forestry employees can be classified as various categories of migrants. Workers in timber enterprises were recruited via diverse methods — organizational recruitment predominated in Tuva, rural residents were persuaded to transfer from collective farms to forestry jobs, and managerial staff were recruited from other regions of the USSR. Most Molotov workers were mobilized through labor deployment or arrived in the Urals as a result of forced displacement. Forestry enterprises in both oblasts suffered from high employee turnover and a persistent shortage of labor force, attributable in part to the challenges encountered by workers in their daily lives.

Problems were largely similar in both regions: housing provision was inadequate, many newly arrived logging workers resided in barracks, which were often not formally categorized as dormitories and lacked basic bedding; settlements faced waste accumulation, wage payments were frequently delayed, food supplies were insufficient, and nutrition was poor. Additionally, workers were required to participate in unpaid Sunday community labor and subscribe to state loans. The austere conditions of everyday life were intended to be offset by ideological work conducted by party institutions, yet these measures often failed to address workers' needs in the postwar years. Leisure opportunities were very limited, with cultural centers present only in towns and larger settlements.

Both oblasts displayed similar power strategies directed by central authorities and faced common professional and domestic challenges. However, the tactics adopted to solve these problems frequently differed, shaped by the political, territorial, and cultural specifics of each region.

Keywords: Tuva; Tuvan Autonomous Oblast; Molotov Oblast; forestry; timber enterprise; everyday life; migration; wages; nutrition norm

Financing

The article was prepared with the financial support of the HSE University (the project "Migration in socio-economic, demographic, cultural and human dimensions (cases of the Perm Region and the Republic of Tuva in the 1920s — early 1960s)").

For citation:

Kimerling A. S. and Shabalin V. V. The daily life of migrant workers in Tuvan and Molotov forestry in the 1940s and 1950s. *New Research of Tuva*, 2025, no. 4, pp. 75–90. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.5>

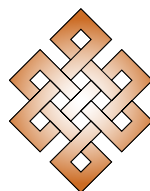

KIMERLING, Anna Semenovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities, HSE University. Postal address: office 219, 37A Gagarin Boulevard St., 614070, Russia, Perm. E-mail: akimerling@hse.ru

ORCID: 0000-0001-7198-0120

SHABALIN, Vladislav Valerievich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities, HSE University. Postal address: office 219, 37A Gagarin Boulevard St., 614070, Russia, Perm. E-mail: VShabalin@hse.ru

ORCID: 0000-0003-1893-0698

Введение

Лесное хозяйство Тувинской автономной области (ныне Республика Тыва) и Молотовской области (ныне Пермский край) в 1940–1950-х гг., с одной стороны характеризовалось существенными лесными богатствами, но с другой стороны, имело много отличий как в способах формирования рабочей силы, так и в повседневных практиках организации труда и быта.

Площадь Тувинской автономной области (далее — ТАО) составляла 171,3 тыс. кв. км, а Молотовская область занимала 162,6 тыс. кв. км. Леса Тувы богаты редкой качественной древесиной — лиственницей и кедром. Общая производительность лесов республики оценивалась невысоко. «Дело в том, — писали И. Ю. Коропачинский и В. Д. Федоровский, — что значительные площади древостоев находятся в крайних условиях существования лесной растительности — высоко в горах или у нижней границы леса по соседству с засушливыми пустынно-степными котловинами» (Коропачинский, Федоровский, 1969: 342). Лесхозов в ТАО было 16 и в городе Кызыл действовал лесозавод. Лес доставляли сплавом в г. Кызыл. Лесная площадь гослесфонда в ТАО составляла почти 8,5 млн га. (там же: 341).

Леса Молотовской области были богаты елью, сосной и березой, область была в СССР в числе лидеров по добыче промышленной и строительной древесины, общая площадь лесов достигала здесь 11,3 млн га (Колесников, Шиманюк, 1969: 26). В Молотовской области, в отличие от Тувы, лесная промышленность организовывалась через объединение нескольких леспромхозов в один трест. В области действовали крупные лесные тресты — «Уралзападлес», «Комипермлес», «Камаречлес», «Молотовлес», «Кунгурлес», «Чусовлес», «Вишерлес», лесозаготовкой также масштабно занимались заключенные в Усольском, Ныробском, Кизеловском лагерях. В каждом тресте было несколько леспромхозов. Доставка леса из Молотовской области осуществлялась вначале по рекам, а затем по железной дороге в разные территории СССР.

Обе области испытывали нехватку рабочей силы, трудности с жильем, продовольствием и товарами, проблемы с организацией быта рабочих.

Лесное хозяйство Тувинской и Молотовской областей в 1940–1950-х годах попадало в фокус исследователей с разных позиций. Становление и развитие лесной промышленности Тувы в 1940–1950-е гг. описывали Т. Верещагина¹, Д. Оюн², О. Угрюмов³. Д. Дабиев комплексно описывал историографию развития экономических исследований периода Тувинской автономной области в 1944–1961 гг. и показал, что лесная промышленность послевоенных лет фактически осталась за пределами изучения (Дабиев, 2020).

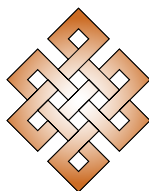
Молотовскую лесную промышленность исследовали немного больше. Во-первых, с позиции миграционной политики СССР ее изучали А. Глушков, К. Козлова, И. Исмакаева (Глушков, Козлова, Исмакаева, 2024). Они анализировали добровольные трудовые миграции и агитационно-пропагандистские практики привлечения рабочих в леспромхозы Молотовской области, описывали трудности жизни в леспромхозах. А. Салатова исследовала возвратную внутреннюю миграцию и характеризовала источники о лесном хозяйстве Молотовской области (Салатова, 2022). Во-вторых, А. Суслов и С. Шевырин исследовали экономику, образ жизни, адаптацию и социальные связи спецпоселений и исправительно-трудовых лагерей Молотовской области, в том числе занятых заготовкой и переработкой древесины в 1930–1950-х гг.⁴ В-третьих, В. Шабалин описал как был устроен один из лесопунктов треста «Уралзападлес» в середине 40-х гг., показал ограничения в потреблении, с которыми сталкивались работники предприятия, выявил незаконные способы, с помощью которых эти ограничения обходило местное руководство (Шабалин, 2014).

¹ Верещагина Т. Е. Лесное хозяйство Тувы — 60 лет (1946–2006 гг.). Десять лет спустя... (2006–2016 гг.). Кызыл: ОАО «Тываполиграф», 2016.

² Оюн Д. Лесники Тувы подвели итоги 60-летней работы // Wood.ru. 12.04.2006. URL: <https://www.wood.ru/ru/loa436.html> (дата обращения: 7.05.2025).

³ Угрюмов О. Летопись Урдомы [Электронный ресурс] // Правда Севера (газета). 2014, 30 июля. URL: <https://urdoma.info/post/8529> (дата обращения: 8.05.2025).

⁴ Шевырин С. А. Развитие лесной отрасли в Прикамье в 1930–1950-е годы [Электронный ресурс] // Пермский государственный архив социально-политической истории. URL: <https://www.permgaspi.ru/deyatelnost/stati/razvitie-lesnoj-otrasli-v-prikame-v-1930-1950-e-gody.html> (дата обращения: 4.05.2025). Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). Екатеринбург, Пермь, 2003.

В сравнительном же плане Тувинскую и Молотовскую области не изучали. Представляется важным понять, чем отличались организационные тактики и обусловленные культурными особенностями стратегии в лесной промышленности этих регионов, которые, на первый взгляд, имеют одинаковое лесное богатство.

Цель данного исследования — реконструировать и сравнить условия повседневной жизни работников лесного хозяйства Молотовской области и Тувинской автономной областей в 1940–1950-е гг. Для этого необходимо решить следующие задачи: сравнить источники пополнения рабочей силы в лесных хозяйствах Тувинской и Молотовской областей; реконструировать трудовые практики в леспромхозах, особенности бытовых условий проживания, обеспечение продуктами питания и промтоварами, досуговые практики, формы взаимодействия работников друг с другом и с местным населением.

В качестве теоретико-методологического подхода выступает теория повседневности в понимании М. де Серто (Серто, 2013). В истории повседневности де Серто видит не повторяемость, а поле постоянного творчества: он описывает способы действия людей не как пассивное принятие и следование предлагаемым правилам (он называет их властными стратегиями), а как набор творческих активных практик (тактики). Во взаимодействии стратегий и тактик формируется уникальная повседневность. Теория Д. Норта об институциональной ловушке помогает объяснить значимость неформальных тактик для решения формальных задач (Норт, 1997).

Данное исследование сделано на материалах Национального архива Республики Тыва (НА РТ), Пермского государственного архива социально-политической истории (ПермГАСПИ) и Государственного архива Пермского края (ГА ПК). Документы ТАО написаны на русском и тувинском языке и содержат много формальных описаний с применением шаблонного советского дискурса. В большинстве протоколов неформальные тактики и проблемы скрываются за стандартными формулировками. В этом заключалась сложность исследовательского поиска материалов для данной статьи. Информация об истории повседневности была обнаружена в справках Молотовского обкома об обследовании леспромхозов разных районов Молотовской области, в докладах инструкторов обкома, в переписке партийных органов разного уровня, в документах первичных партийных организаций предприятий лесной промышленности Молотовской и Тувинской областей. В документах Молотовской области можно обнаружить гораздо больше следов повседневных неформальных тактик проживания и работы в лесхозах, чем в тувинских документах.

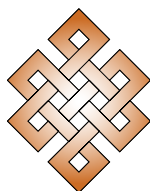
Новизна работы заключается, во-первых, в привлечении уникальных архивных материалов тувинского и пермских архивов, значительная часть которых ранее не вводилась в научный оборот, во-вторых, в том, что данная тема лишь в отдельных ее аспектах попадала в фокус исследования историков (только по повседневным практикам жизни в леспромхозах Молотовской области имеются статьи, тувинские лесхозы попадали в фокус исследования только с хозяйственной и организационной точки зрения), в-третьих, мы попытаемся сравнить повседневные практики работников тувинских и молотовских лесхозов.

Источники пополнения рабочей силы в лесных хозяйствах

Лесное хозяйство Тувы находилось в ведении областного отдела животноводства и земледелия Тувоблисполкома (на основании постановления Областного Совета депутатов трудящихся ТАО от 1 ноября 1944 г.). Управление водного, лесного и охотничьего хозяйства существовало с 1947 г., а в 1953 г. было в результате объединения с Областным управлением сельского хозяйства переименовано в Областное управление сельского хозяйства и заготовок Тувоблисполкома (согласно постановлению Совета Министров РСФСР от 23 мая 1953 г. № 621)¹. Возможно, именно эти организационные моменты и то, что сама Тува присоединилась к СССР в 1944 г., повлияли на то, что в основном на работу в леспромхозы набирали рабочих по оргнабору², «уговаривали» перейти колхозников республики,

¹ Путеводитель по фондам Государственного архива Республики Тыва. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. А. М. Дугар-Сюрюн. Новосибирск: Сибирское кн. изд-во, 2012. С. 160.

² Оргнабор — это форма перераспределения трудовых ресурсов в СССР, при которой в короткие сроки рабочих перераспределяли из колхозов на промышленные предприятия. Постановление ЦИК и Совета народных комиссаров СССР от 30 июня 1931 «Об отходничестве» стало первым и основным нормативным актом в процедурах оргнабора. Колхозы, выделявшие отходников, получали материальное вознаграждение.

проживавших в сельской местности, руководящие кадры рекрутировали с других территорий СССР. Оргнабор происходил главным образом внутри республики.

Технологии подбора рабочей силы в леспромхозы Тувы на основе воспоминаний реконструирует О. Угрюмов:

«Рабочий класс в лесопункты набирался либо по договору с южными колхозами, которые отправляли своих колхозников на лесоповал, получая в обмен за рабочие руки кубы кругляка сосны или елки, либо по оргнабору. Второй метод был гораздо проще. Уполномоченный от леспромхоза с командировочным удостоверением в кармане и пачкой денег в потрепанном портфеле отправлялся по стране набирать для производства кадровых рабочих. И набирал. Чаще всего на вокзалах. Трудовые качества будущего «кадра» в расчет брались мало, основным показателем в работе человека с портфелем в руках было количество прибывших в лесопункт»¹.

Проблемы с текучкой и качеством работы происходили именно из этих технологий рекрутинга:

«Хлопот на местах с прибывшими хватало. Приехавших с направлениями от колхоза требовалось еще научить хотя бы простым навыкам работы в лесу. А работяги, которых свозили со всех вокзалов страны, дорабатывали в лучшем случае до первой полочки, которую спускали всю до последней копейки в соседнем с общежитием магазине и исчезали навсегда с глаз поселкового начальства»².

Архивные источники подтверждают вышесказанное, но дополняют причины ухода из леспромхозов тем, что рабочие уезжали «на родину к родителям», возвращались в родные колхозы во время уборочных работ. Эти причины вовсе не эгоистичны, рабочие возвращаются на помощь семьям, что очень значимо для традиционной родовой модели культуры. Но были трудности с количеством рабочих и по другим причинам. Рабочих не хватало в связи с тем, что оргнабор мог не проводиться совсем или мужчин призывали в армию в силу наступления призывного возраста, ведь именно самых молодых удавалось уговорить переехать в леспромхоз из родной деревни. Кроме того, в Туве большое значение имели особенности родовой культуры. «Идентификация «своих», — пишет Ч. К. Ламажаа, — основывалась на том, что эти «свои» жили рядом. И вся социальная культура была «привязана» к определенной территории, разворачивалась на знакомом пространстве» (Ламажаа, 2021: 8). Если человека уговаривали покинуть эту родную территорию, то при первой возможности или потребности родных он возвращался назад.

В лесном хозяйстве Молотовской области тоже фиксируется значительное возвратное движение переселенцев: «Данные свидетельствуют, что срок проживания в леспромхозах составлял в среднем от нескольких дней до нескольких месяцев» (Салатова, 2022: 371). Как и в тувинские сельсоветы и колхозы Молотовской области отзывали обратно рабочих с лесозаготовок, например, под предлогом проведения отчетно-выборных собраний колхозников (ГА ПК, ф.р-1366, оп. 1, д. 488, л. 6). Фиксируются массовые случаи прогулов из-за возвращения рабочих домой без увольнения (ГА ПК, ф.р-1366, оп. 1, д. 488, л. 14).

Обе области фиксируют самовольный возврат рабочих в колхозы, но не применяют строгие законы о наказаниях за прогулы. Однако, в Молотовской области в связи с нарушением трудовой дисциплины на лесучастках проводят собрания рабочих, на которых читают лекцию «О борьбе с нарушителями трудовой дисциплины» (ГА ПК, ф.р-1366, оп. 1, д. 488, л. 15). На совещаниях сотрудников треста в Молотовской области в 1948 г. призывают применять законы о прогулах и дезертирстве с предприятий и передавать дела в военную прокуратуру (ГА ПК, ф.р-521, оп. 1, д. 3а, л. 11).

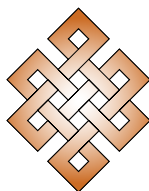
Даже в руководстве лесным хозяйством Тувы большинство составляли приезжие работники. Первоначально руководители Управления лесами менялись каждый год. Информацию о кадровом составе Управления собрала Т. Верещагина и она же взяла ценные интервью у работников³.

Первым начальником был коренной тувинец Оюн Шыырап (1947 г.), но уже через год его сменил Иосиф Аткинн, еще через год — Василий Волин. С мая 1950 до 1977 г. руководил лесным хозяйством

¹ Угрюмов О. Летопись Урдомы [Электронный ресурс] // Правда Севера (газета). 2014, 30 июля. URL: <https://urdoma.info/post/8529> (дата обращения: 8.05.2025).

² Там же.

³ Верещагина Т. Е. Лесное хозяйство Тувы — 60 лет (1946–2006 гг.). Десять лет спустя... (2006–2016 гг.). Кызыл: ОАО «Тываполиграф», 2016.

Терентий Иванович Воронков. Тамара Петровна Киприевская приехала в Туву в 1950 г. после окончания Красноярского лесотехнического института. Она была редким на то время специалистом с высшим образованием. Она вспоминала откуда приехали другие специалисты Управления лесным хозяйством: «пятеро ребят из Бийского лесного техникума, среди них был Миша Сухачёв и Ваня Пугачев, впоследствии ставший главным лесничим Управления, чуть позже появились Вера Каратая и Александра Сарыгина, закончившие Уральский лесной институт»¹.

Проблемы нехватки рабочей силы в тувинских лесхозах решали путем «мобилизации рабочей и конной силы из сумона»². О хорошей и плохой работе мобилизованных в леспромхозе рассказывает агитлисток Сыстыг-Хемского леспромхоза 1948 г. Решение о мобилизации принимал облисполком и райисполком. Но приехавшие на лесозаготовки рабочие по-разному относились к работе. Некоторые уже за 4 дня сделали все задание. Другие «занимаются только тем, чтоб только хлеб скушать, а работа их не касается, они для леспромхоза никакой пользы не приносят» (НА РТ, ф. 2, оп. 1, д. 284, л. 92). Кормили мобилизованных и их лошадей бесплатно. Причем некоторые забирали хлеб, овес и фураж для лошадей и просто уезжали обратно в сумон.

Важнейшим отличием Молотовской области от Тувы, если говорить о 1944–1945 гг., было то, что сюда были направлены существенные потоки мобилизованных работников из других регионов СССР. В 1942–1943 гг. на Урал прибыли десятки тысяч трудмобилизованных из Средней Азии и Казахстана. Летом 1943 г. только в Молотовской области находилось 12692 рабочих «восточных национальностей» (Гончаров, 2016: 44). Ближе к концу войны прибыли работники из западных районов Украины. Часть прибывших была распределена на предприятия лесной промышленности. Трудмобилизованные в основном были возвращены домой с окончанием войны. Так узбекские рабочие были отправлены в Узбекскую ССР в декабре 1945 г.³

Как пишет на основе архивных документов С. А. Шевырин, в 1945 г. пополнение дефицита в важнейших отраслях промышленности и лесного хозяйства Молотовской области составляло не менее 70–80 тысяч человек, а в 1946 г. еще 39 тысяч человек. В большинстве — это были депортированные, репатриированные, ссыльные, военнопленные, заключенные⁴. После 1947 г. начали набирать по оргнабору. По подсчетам из эшелонных списков переселенцев по оргнабору в леспромхозы Прикамья, составленных «Управлением труда Пермской области» (ГА ПК, ф. р-1271, оп. 1, д. 128) в 1951 г. прибыли 2 285 семей, в 1952 г. — 2497 семей, а в 1953 г. — 811 семей (Глушков, 2024: 73).

Таким образом, практически всех работников лесного хозяйства обеих областей можно отнести к разным категориям мигрантов. Обе области постоянно испытывали нехватку рабочей силы в лесной сфере. Но проблема решалась по-разному. В Тувинской автономной области уговаривали колхозников перейти в лесхозы на работу, применяли трудовую мобилизацию из колхозов той же области, набирали по оргнабору. В Молотовской области в военные и первые послевоенные годы завозили из других областей и республик депортированных, репатриированных, спецпереселенцев и трудармейцев, и лишь позже подключился оргнабор. Обе области испытывали нехватку рабочей силы и большое возвратное движение новых работников лесного хозяйства. При этом строгие законы о прогулах и самовольном уходе с работы не применялись. В Молотовской области требовали на совещаниях возбуждения уголовных дел для прогульщиков, в ТАО речи об этом не вели.

Трудовые практики в лесном хозяйстве

Повседневные практики работы лесхозов включали выполнение плана заготовки древесины, очистку леса от загрязнения, борьбу с болезнями деревьев и лесными пожарами, предотвращение незаконной вырубki леса, посев в питомнике и восполнение лесного фонда. Работа была тяжелой.

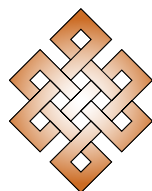
В лесхозах были утильцеха, которые осуществляли такой вид деятельности как производство ширпотреба. Ширпотреб — это инструменты, мебель, мочалки. Тема производства ширпотреба звучит в

¹ Там же. С. 10.

² Сумон — административно-территориальная единица (сельское поселение) в Туве.

³ Подвиг рабочих колонн : сборник документов / под ред. С. В. Неганова. Пермь, 2021. С. 496.

⁴ Шевырин С. А. Развитие лесной отрасли в Прикамье в 1930–1950-е годы [Электронный ресурс] // Пермский государственный архив социально-политической истории. URL: <https://www.permgaspi.ru/deyatelnost/stati/razvitie-lesnoj-otrasli-v-prikame-v-1930-1950-e-gody.html> (дата обращения: 4.05.2025).

отчетах по Тувинской области после темы лесозаготовок, что свидетельствует о ее значимости как вида деятельности лесхозов. Повседневные проблемы связаны с тем, что в лесхозах не хватает инструментов для создания мебели (НА РТ, ф. 76, оп. 1, д. 102, л. 280б). На производстве ширпотреб платили по уравнильной системе, недостаточно чтоб прокормить семью (НА РТ, ф. 76, оп. 1, д. 102, л. 280б).

Чтоб понять уровень жизни и возможностей работников лесного хозяйства, обратимся к размерам окладов в послевоенные годы.

По штатному расписанию начальник Управления лесами ТАО получал 1100 руб., старший лесничий получал 1000 руб., инженер по лесному хозяйству и лесонасаждениям имел оклад 750 руб., а начальник лесной охраны — 650 руб. Зарплата конюха составляла 315 руб. Сторож-истопник и уборщица-курьер получали по 280 руб. в месяц, в районных лесничествах эта должность оплачивалась еще меньше — 210 руб. Кадровую основу лесничеств составляли лесники и объездчики, их зарплата — 200 и 300 руб. соответственно¹. В Бренском леспромхозе ТАО в 1947 г. директор получал 830 руб., технорук и старший бухгалтер по 690 руб., десятник — 550 руб., уборщица — 385 руб. в месяц (НА РТ, ф. 264, оп. 1, д. 39, л. 169). В Молотовской области зарплаты были выше: директор получал 1600–2000 руб., инженер — 850–1000 руб. (ГА ПК, ф. р-521, оп. 1, д. 3а, л. 23), рабочий бракер получал 410–535 руб. (ГА ПК, ф. р-521, оп. 1, д. 2, л. 165). Таким образом, зарплата была выше у руководства лесного хозяйства Молотовской области.

Для мигрантов без семьи это был вполне хороший размер оплаты, но для тувинцев с семьей — это было недостаточно, поскольку по традиции женщины зачастую не работали, в семьях было много детей, и мужчине необходимо было обеспечить семью на этот размер оплаты труда.

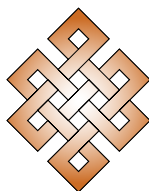
При этом надо было участвовать в неоплачиваемых воскресниках (суббота и так была рабочим днем), участвовать в госзаиме (желательно — в размере месячной зарплаты). Промтовары на такую зарплату купить было затруднительно. За 142–161 руб. можно было купить сапоги мужские из юфти (выделанная кожа крупного рогатого скота, коней, оленей, пропитанная березовым дегтем), за пальто зимнее суконное низкого качества 145,5 руб. (НА РТ, ф. 264, оп. 1, д. 37, л. 57, 64).

Проблема транспорта была достаточно важной для обеспечения качественной работы лесников и объездчиков. Автомобилей в лесном хозяйстве в Тувинской области практически не было. Основным средством передвижения была лошадь. Леснику без лошади трудно было выполнять свою работу, ведь обходить надо было территории от 100 до 300 км. Многие отчеты свидетельствуют, что лошадьми лесхозы обеспечены на примерно на 77%. В Молотовской области гужевой транспорт сочетался с автомобильным. Поэтому одной из повседневных проблем была заправка машин: учет расхода горючего, контроль с помощью путевых листов. Судя по детальности контроля, были случаи расхода горючего, не обеспеченного правильным оформлением путевых листов (ГА ПК, ф. р-521, оп. 1, д. 2, л. 57). Руководящая стратегия устанавливала строгий график ежемесячного планово-профилактического обслуживания автомашин по инструкции, но зачастую, на уровне ЛПХ, ему не следовали (ГА ПК, ф. р-521, оп. 1, д. 2, л. 100), поскольку машины вывозили лес и простой в работе был чреват невыполнением плана.

Судя по тому, что протоколы первичных парторганизаций леспромхозов написаны в Тувинской области то на русском, то на тувинском языке, не всегда партийный состав ЛПХ был приезжим из других республик СССР. Видимо, взаимодействие русскоязычных приезжих и местных тувинских рабочих было затруднено языковым барьером. Поэтому не удивительно, что некоторые руководители не выезжали на места, а руководили не выходя из управления. Эта ситуация отразилась в документах парторганизации. Однако, специалисты управления работали иначе. Специалист Управления лесного хозяйства Тувы Тамара Киприевская вспоминала: «Мы все вместе жили в одной большой комнате при Управлении, на неделю обычно все разъезжались по районным лесничествам, там специалистов практически не было, и мы рассказывали, показывали, сами принимали участие во всех лесохозяйственных работах»².

¹ Верещагина Т. Е. Лесное хозяйство Тувы — 60 лет (1946–2006 гг.). Десять лет спустя... (2006–2016 гг.). Кызыл: ОАО «Тываполиграф», 2016. С. 9.

² Там же. С. 10.

Таим образом, властные стратегии, которыми должны были руководствоваться в лесном хозяйстве были похожи, но имелись различия — заработки были выше в Молотовской области, в Тувинской области доминировал гужевой транспорт, а в Молотовской он сочетался с автомобильным (отсюда значимой проблемой был контроль за расходом горючего и наличие неформальных тактик его использования для личных нужд). Властные стратегии обеих областей предполагали использование русского языка для руководства отраслью, но документы ТАО свидетельствуют о повседневных тактических предпочтениях использования тувинского языка и невозможности говорить на нем у приезжих руководителей. На самом деле, проблемы взаимодействия на русском языке руководителей и рабочих были одинаковыми в обеих областях, поскольку и в Молотовской было много трудмобилизованных, например, из Узбекской ССР.

Особенности бытовых условий

Обеспечение жильем в разных лесхозах ТАО во второй половине 1940-х гг. варьировалась от 33% до 3%. Инженерно-технические работники (ИТР) лесхоза занимают все имеющиеся лесхозные квартиры, а для рабочих в лесхозах квартир не хватало. Некоторые лесники жили в собственных «чумах и вигвамах». Директор Кызыльского лесхоза в докладе 1950 г. так и сообщает: «рабочих, проживающих в квартирах лесхоза, не имеется, ввиду отсутствия жилплощади» (НА РТ, ф. 43, оп. 1, д. 48, л. 165). К 1954 г. ситуация все больше выравнивалась, например, в Тандинском лесхозе отмечали полное обеспечение жильем: некоторые проживали в своих домах, но «большее число рабочих и ИТР проживают в квартирах лесхоза» (НА РТ, ф. 700, оп. 1, д. 31, л. 67).

Некоторые приезжие лесозаготовители жили в бараках, но зачастую их не приравнивали к категории общежитий и не обеспечивали постельными принадлежностями. В отчетах лесхозов ТАО сообщается, что общежитий вообще нет, все проживают в домах.

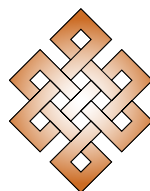
О проблемах, связанных с жильем, говорят и документы Молотовской области. В марте 1945 г. на заседании бюро парторганизации Быковского мехлесопункта треста «Уралзападолес» констатировалось:

«Особенно не удовлетворительны бытовые условия сезонных рабочих, прибывшие на лесозаготовке, согласно постановления ГКО. В общежитиях печи развалины, дым, невероятная грязь, воды отварной для питья нет, стены в бараках не побелены, промазка пазов отлетела <...> Вёдер, ковшей нет. Баня в надлежащий порядок не приведена, в перебанке¹ дверей нет, весь пол покрыт льдом <...> вокруг барачных вездеходов развалины лес /дрова/ и сено. Уборные регулярно не чистятся» (ПермГАСПИ, ф. 2742, оп. 1, д. 8, л. 3).

Ситуация не сильно изменилась и после войны. В официальных документах констатировалось, что в леспромпхозах области «часть рабочих живет в неблагоустроенных помещениях, во многих общежитиях нет освещения, дров, не работают сушилки» (ПермГАСПИ, ф. 105, оп. 18, д. 395, л. 13). Бригада Молотовского медицинского института, обследовавшая в конце 1953 г. лесхозы северного Прикамья, констатировала, что общежития, особенно те, в которых размещались сезонные рабочие, «крайне неблагоустроены», в них «грязно, неуютно». Все лесные поселки строятся и сдаются без участия санитарной службы. У сезонных рабочих нет постельных принадлежностей, в помещениях отсутствуют титаны, многие общежития не снабжены сушилками, из-за чего «рабочие, вернувшись с работы развешивают мокрую одежду и лапти вокруг печи, на которой варится пища» (ПермГАСПИ, ф. 105, оп. 21, д. 86, л. 27).

Отсутствие очистки территории — общая проблема Тувинской и Молотовской областей. По общесоветским нормам территории лесного хозяйства подлежали регулярной очистке от мусора. Но мусор скапливался повсеместно. Тувинские отчеты свидетельствуют, что до 1948 г. регулярных работ по очистке не проводилось. Поэтому Управление лесного хозяйства ТАО в апреле 1948 г. выпустило приказ «произвести собственными средствами и транспортом очистку территории хозяйства, а также принадлежащего жилфонда от зимних накоплений мусора и отбросов. В дальнейшем проводить регулярно очистку территории, не допуская накопления мусора» (НА РТ, ф. 43, оп. 1, д. 1, л. 15). Приказ по Камскому лесному тресту «Камречлес» от 20.03.1947 г. свидетельствует о проблемах с уборкой поселков, которые решались путем «коллективного выхода рабочих во внеурочное время на работу по уборке (ГА ПК, ф. р-521, оп. 1, д. 2, л. 58об.). Справки о размещении переселенцев по поселкам и

¹ Перебанком в пермских говорах называли «предбанник».

благоустройстве поселков, в которых проживают переселенцы леспромхозов Молотовской области, отмечают и в 1953 г. проблемы с мусором.

В Молотовской области достаточно жестко наказывали руководство лесного хозяйства, если оно не создавало нормальные бытовые условия для рабочих: некоторых руководителей лесного хозяйства «за безответственное и бездушное отношение к хозяйственному и трудовому устройству переселенцев, за несоздание им нормальных бытовых условий» (Глушков, 2024: 74) привлекли к уголовной ответственности. Нормализовать ситуацию с текучкой кадров удалось примерно к 1956 г. В Туве таких наказаний не наблюдалось, хотя по отчетам периодически прослеживалось неудовлетворительное состояние бытовых условий.

Таким образом, на сравниваемых территориях наблюдается схожий набор проблем, связанный с жильем. По выявленным документам мы видим, что в Туве в послевоенные годы вопрос обеспеченности жилплощадью стоял острее, и разрешился уже в 1950-е гг. В ТАО работники проживали в бараках, домах, квартирах лесхозов, а в Молотовской области, судя по документам, были общежития. Если вопрос наличия крыши над головой для работников-мигрантов в целом был решен, то условия проживания оставались не лучшими. На обеих территориях существовала проблема обеспечения людей постельным бельем, проблема поддержания чистоты вокруг и внутри жилья. Источники, касающиеся ситуации в Молотовской области, дают более детальную картину тяжелого бытового положения работников.

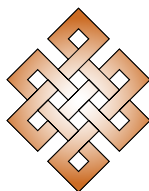
Обеспечение продуктами питания и промтоварами

Трудности с промтоварами ТАО в первые послевоенные годы носили системный характер. Тувинский обком ВКП(б) свидетельствует о продолжающемся недостатке промышленных товаров (хлопчатобумажных тканей, зеленого чая, табака, готовой обуви и одежды) и просит ЦК ВКП(б) составить план завоза промтоваров в 4-м квартале (НА РТ, ф. 2, оп. 1, д. 61, л. 178).

До отмены карточной системы для получения хлеба и других продуктов граждан «прикрепляли» к торговым предприятиям. Люди, проживающие в сельской местности, могли отоварить талоны на один день вперед, а продажа за прошедшие дни была запрещена (НА РТ, ф. 264, оп. 1, д. 38, л. 197). Лимитное снабжение происходило по 3-м категориям и было разным по норме продуктов, которые выдавали. Лесничие в 1946 г. проходили по 3-й категории (НА РТ, ф. 264, оп. 1, д. 38, л. 185). Они получали лимитные книжки и дополнительное снабжение помимо карточек. Лимитное снабжение предполагало получение в месяц 1,5 кг крупы, 2 кг мяса и рыбы, 0,6 кг жиров, 1 кг сахара. Рабочие получали практически такое же снабжение, только жиров было 0,5 кг (НА РТ, ф. 264, оп. 1, д. 38, л. 195).

Лесхозы вели работы в подсобном хозяйстве. Им выделялась земля, на которой косили траву и заготавливали овес для обеспечения лошадей лесхоза, садили картошку для работников лесхоза. В некоторых случаях они должны были обрабатывать не полевые угодья (НА РТ, ф. 700, оп. 1, д. 30, л. 60), поскольку других им не выделили.

Документы свидетельствуют о неудовлетворительной работе подсобного хозяйства, но оно зачастую было единственным источником продуктов в лесхозе. Стоит заметить, что в военные и первые послевоенные годы по всей стране продукты получали по карточкам, но в лесном хозяйстве ТАО была особая ситуация. Тувинский облисполком издал отдельное распоряжение 24 апреля 1946 г., предложив всем райпо принять на снабжение продтоварами работников управления лесами по нормам рабочего снабжения, значит, до этого их снабжать не полагалось. По факту, несмотря на распоряжение, с июля 1946 г. лесников и лесобъездчиков тувинских лесхозов сняли со всех видов снабжения (НА РТ, ф. 2, оп. 1, д. 181, л. 30). Начальник областного управления лесами писал в Тувинский обком партии в августе 1946, что «работники охраны лесов в районах продолжительное время не получают продовольственное снабжение, не говоря уже о промтоварном» (НА РТ, ф. 1, оп. 1, д. 181, л. 4). Длительность задержки он не оговаривает, но уточняет, что рабочие не получали даже хлебный паек с июля, то есть 2 месяца. И работники в этой ситуации отказывались работать, уезжали из лесхозов. По некоторым пояснениям становится понятным за счет чего все-таки удавалось питаться — только за счет личных посевов (там же). Зав. Облторготделом Тувинского обкома предложил «зачислить на продтоварное довольствие работников управления лесами, не имеющих собственного посева» (НА РТ, ф. 1, оп. 1, д. 181, л. 30). Это свидетельствует о том, что имеющие посев не ставились на довольствие по нормам рабочего снабжения.

В 1950-х гг. снабжение лесоучастков тоже было недостаточным. Директор Юрлинского леспромпхоза Молотовской области в 1952 г. отмечал серьезные проблемы с поставками продовольствия: «Лесоучастки: Чус, Сюзъя, В.-Коса, У.-Березовка, Трошкиха и Лопан (вместе с детьми и иждивенцами 2500 человек) — не хватает муки, крупы, соли, сахара, рыбы, мяса, картофеля из-за отсутствия подъездных путей с апреля по декабрь и несвоевременном подвозе продуктов по санному пути» (Салатова, 2022: 372). Отмечается, что проблемы снабжения леспромпхозов более существенные, чем в городах области:

«Более 500 грамм сахара в месяц не купишь. И рыбы 1 кг на месяц тоже мало и 2-х кг белого хлеба в месяц в Ветлянах не купишь, не говоря уже о колбасе, консервах или конфетах и пряниках. Претензии рабочих очень справедливые. Рабочие бывают в городе и в районном центре и видят в магазинах достаточное количество продуктов» (ПермГАСПИ, ф. 105, оп. 17, д. 383, л. 24).

Так же как и в Туве, лесхозы Молотовской области старались самостоятельно решить вопрос нехватки продуктов питания. Например, в Быковском мехлесопункте, где трудилось около 500 работников, имелось собственное подсобное хозяйство. Здесь была пасека, «скотская ферма», где содержались коровы и свиньи. Имелись площади, регулярно засевавшиеся картофелем, злаками и бобовыми культурами. Работники держали огороды (Шабалин, 2014: 69).

Проблема решалась также и в рамках институциональной ловушки путем применения неформальных, а порой и незаконных, практик. В 1943–1945 гг. начальник, упоминавшегося Быковского мехлесопункта заключил несколько «безнарядных» (т. е. неучтенных государством) сделок на поставку лесоматериалов. Один из таких договоров был заключен с конторой треста «Рославхлеб». За работу мехлесопункт должен был получить 300 кг мяса, 250 кг крупы, 100 кг масла, 100 кг кондитерских изделий и другое продовольствие (там же: 72). В редком случае руководитель действовал, вкладывая собственные средства: в Добрянском районе Молотовской области начальника Демидковского лесопункта в течение марта 1953 г. покупал на свои деньги в ближайшем поселке хлеб, «чтобы не срывать работу в лесу» (Глушков, 2024: 74).

Согласно положению о лесной охране, работникам полагалось выдавать обмундирование, обувь и продовольствие. В состав обмундирования в Туве входил: бушлат хлопчатобумажный на вате, костюм хлопчатобумажный — гимнастерка и брюки, шерстяная фуражка (НА РТ, ф. 43, оп. 1, д. 1, л. 12). На осень-зиму выдавали ватную телогрейку брюки, кепку, рукавицы, валенки (НА РТ, ф. 264, оп. 1, д. 39, л. 176). Но реальность не всегда соответствовала властным стратегиям. К примеру, «Заключение плано-финансового отдела по годовому отчету Тандинского лесхоза» за 1953 г. свидетельствует, что обмундирование не выдали в полной мере — «числится остаток на складе 2,6 т. руб. за невыданное обмундирование» (НА РТ, ф. 700, оп. 1, д. 30, л. 10).

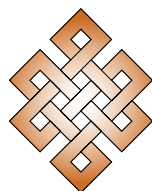
Порой получение обмундирования становилось частью тактики обогащения. Сельские жители Тувы, устроившись на работу в лесхоз, получали обмундирование и вскоре возвращались домой в село. Чтобы пресечь эту тактику приобретения бесплатной одежды начальник отдела охраны лесов Управления лесного хозяйства ТАО предложил выдавать обмундирование только тем работникам, которые «могут быть оставлены на дальнейшей работе» (НА РТ, ф. 43, оп. 1, д. 1, л. 12). К тому же за обмундирование по дополнительным указаниям бухгалтерии была установлена плата.

В Молотовской области тоже есть сложности с рабочей одеждой, например, отмечается «отсутствие рукавиц в ЛПХ¹ и ОРСе², что создает тяжелые условия работы» (Салатова, 2022: 374). Документы Молотовской области и в 1948 г. отмечают недостаточное обеспечение рабочих спецодеждой и обувью (ГА ПК, ф. р-521, оп. 1, д. 4, л. 8).

Уровень бытового обслуживания в тувинских столовых описана в Справке «О ходе выполнения облпотребсоюзом постановления бюро тувинского обкома партии от 12 марта 1952 г «О состоянии торговли в области». В справке лесхозы отдельно не выделяются, но сложная ситуация описана следующим образом: «предприятия общественного питания продолжают работать плохо..., выпускают продукцию низкого качества, в узком ассортименте, многие столовые не обеспечены инвентарем, особенно ложками, вилками, тарелками и находятся в антисанитарном состоянии... медлительность в обслуживании и грубое отношение некоторых работников к потребителям еще не изжиты» (НА РТ, ф. 2, оп. 1, д. 416, л. 31).

¹ ЛПХ — леспромпхоз, лесопромышленное хозяйство.

² ОРС — отдел рабочего снабжения.

Схожие проблемы в 1953 г. обнаружила и бригада Молотовского медицинского института. В ее отчете было отмечено, что столовые на лесоучастках работают очень плохо, качество блюд настолько низкое, что «подавляющее большинство рабочих, даже одиночек, предпочитают сами готовить себе пищу» (ПермГАСПИ, ф. 105, оп. 21, д. 86, л. 27). Из-за отсутствия термосов не был организован подвоз горячего питания на лесосеки.

Таким образом, обе территории имели схожую ситуацию, связанную с проблемами в потреблении. Несмотря на то, что лесная отрасль в рассматриваемое время была одной из важнейших, снабжение работников лесных предприятий продуктами питания оставляла желать лучшего. Эта проблема прослеживается и по тувинским, и по молотовским документам. Также фиксируется неэффективная работа столовых. Как и по всей стране (Мамяченков, 2017: 274), лесные предприятия Тувы и Молотовской области компенсировали нехватку еды благодаря подсобным хозяйствам и огородам, которые выделялись работникам.

Досуговые практики

С точки зрения стратегий советской власти досуг следовало организовывать. Центром досуга по стандарту становился Дом культуры или сельский клуб. 21 мая 1947 г. вышло Постановление Совета министров СССР № 1631, предусматривающее не только подъемные выплаты и льготы переезжающим рабочим, но и строительство в местах вселения школы, детского сада, больницы и дома культуры.

Для реализации постановления задачи по организации досуга власти ТАО ставили и перед руководством лесных хозяйств, однако на практике в послевоенные годы клубы не строили, хотя деньги на это могли быть выделены. Для организации досуга могли использовать «красный уголок», там организовывали игру в шахматы (НА РТ, ф. 167, оп. 1, д. 4, л. 31). В Молотовской области в 1948 г. издавали приказы «в качестве обязательного требования иметь на лесоучастках Красные уголки, снабженные отпущенными леспромхозам радиоприемниками, библиотеками, шахматами и другими настольными играми» (ГА ПК, ф.р-521, оп. 1, д. 4, л. 85). Но и эта форма досуга была в обеих областях в реальности доступна не во всех лесхозах. Таким образом, создавалась ситуация, когда совместное распитие спиртных напитков могло стать единственно возможным способом досуга.

Документы лесхозов Тувы позволяют отличить когда, с кем и в каком количестве принятие алкоголя не подлежало осуждению. Очень серьезным проступком было регулярное пьянство и пьянство с подчиненными. Ценность работников была высока, поэтому увольняли за пьянство не сразу. Первоначально старались вернуть работника к нормальной трудовой жизни.

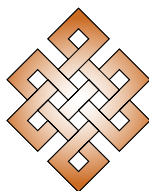
Интересна ситуация с одним из инженеров Каа-Хемского лесхоза, упоминаемая в документе. Он регулярно позволял себе выпивать. За это он неоднократно получал административные взыскания, специально вызывался для беседы райкомом комсомола и райкомом партии, а также прокурором. Но он не поддавался воздействиям, «даже в это пьянство втягивает лесоохрану и технических работников» (НА РТ, ф.76, оп. 1, д. 102, л. 83). В итоге, за систематическое пьянство его сняли с должности инженера.

Если распитие спиртных напитков не было систематическим, то осуждение было не слишком суровым. Инженер Барун-Хемчикского лесхоза ТАО за пьянство во время работы получил лишь «общественное порицание» (НА РТ, ф. 657, оп. 1, д. 19, л. 76). Пить спиртосодержащие напитки не воспрещалось и даже до начала рабочего дня, но в умеренных количествах и в нерабочее время.

Таким образом, несмотря на предусмотренные стратегии обеспечения разнообразного досуга работников лесного хозяйства через организацию и оборудование «красных уголков», в реальности ситуация в обеих областях была похожей — «уголки» организовывали, но не оснащали. Поэтому совместно распитие спиртных напитков оставалось единственным вариантом отдыха рабочих и руководителей, а это влекло за собой проблемы производственного и морального характера.

Взаимодействия приезжих работников лесхозов друг с другом и с местным населением

В связи с нехваткой рабочей силы в лесном хозяйстве принимали работников из сельской местности без трудовых книжек (у колхозников их не было), а выдавать не спешили. Упорядочить ситуацию с трудовыми книжками министерство лесного хозяйства СССР пыталось с сентября 1947 г., однако

действовала институциональная ловушка, и дело двигалось медленно. 29 апреля 1948 г. Министерство лесного хозяйства СССР издало Приказ об упорядочивании учета и инвентаризации трудовых книжек, потребовали отчета (НА РТ, ф. 43, оп. 1, д. 1, л. 17).

Работа продвинулась, но документы ТАО свидетельствуют о том, что случаи приема на работу без трудовой книжки продолжали иметь место.

В Молотовской области имела место проблема, которой не было в Туве, поскольку в Туве рабочие лесхозов не были репатриированными. Парторганизации «не разъяснили рабочим и служащим, что репатриированные являются полноправными гражданами Советского Союза», и были случаи избияения, лишения пищи, незаконные аресты репатриированных в тресте «Уралзаподолес» (ПермГАСПИ, ф. 105, оп. 12, д. 26, л. 8–9).

Лес как топливо и материал для строительства, продукты производства из дерева были необходимы для повседневной жизни крестьян, проживавших рядом с леспромхозами. На вырубку давали разрешения — билеты, а цена была установлена Облисполкомом и зависела от типа леса.

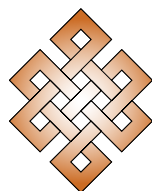
С 1 января 1946 г. таксы на древесину, отпускаемую с корня самозаготовителям из лесов ТАО для всех пород: деловой лес — 14 руб. за плотный куб. метр; дрова — 7 руб.; хворост — 2 руб. за складочный куб. метр¹. Следует отметить, что установленные цены могли не соответствовать себестоимости вырубки. В отчете Тандынского лесхоза указывается, что при плановой себестоимости вырубки деловой древесины 2 рубля за кубометр — фактическая себестоимость вырубки была 6–7 руб./кбм. Однако в себестоимость входила еще и доставка леса с места рубки, таким образом, на пунктах потребления себестоимость вырастала до 30–35 руб./кбм. (НА РТ, ф. 700, оп. 1, д. 31, л. 33). Выходит, лес отпускали за цену (14 руб.), которая более чем в 2 раза ниже себестоимости. На практике — работники лесной охраны ТАО «допускали самовольные вырубки леса. За это получали строгий выговор с предупреждением или отстранялись от работы» (НА РТ, ф. 76, оп. 1, д. 78, л. 30). В архивных документах отмечается, что некоторые лесхозы ТАО, например, Тоджинский лесхоз производил бесплатный отпуск леса местному населению (НА РТ, ф. 43, оп. 1, д. 1, л. 3), а Кызыльский лесхоз завышал цены на хворост до 35 р. за куб.метр хвороста. (НА РТ, ф. 43, оп. 1, д. 1, л. 24).

Наказания за допущение лесниками безбилетной вырубки бывали и более строгими. Например, в Кызылском лесхозе в 1949 г. «один лесник был уволен с работы, а двое были отправлены под суд» (НА РТ, ф. 43, оп. 1, д. 48, л. 158). Трудности с контролем за самовольной рубкой директор Кызыльского лесхоза объяснил тем, что население еще кочевое и за ним трудно уследить. Сила представителя лесной охраны должна была обеспечиваться наличием оружия. Лесная охрана была обеспечена огнестрельным оружием, но в докладе об охране леса Тандынского лесхоза за 1954 г. указано, что «боеприпасами (дробью, порохом, гильзами) лесная охрана не обеспечена» (НА РТ, ф. 700, оп. 1, д. 31, л. 42). При этом лесхозы ТАО каждый год отчитываются о снижении незаконной рубки леса: в 1952 г., например, отмечают снижение на 53% (НА РТ, ф. 76, оп. 1, д. 78, л. 39).

Сложной проблемой в лесном хозяйстве были лесные пожары. Зачастую их виновниками становились местные жители. В лесхозах ТАО была должность пожарного сторожа, который не только следил за соблюдением правил пожарной безопасности в лесах, но также был обязан проводить среди местного, в том числе кочевого, населения разъяснительную работу. Делали это не все. За нарушение пожарной безопасности выписывали штрафы (50 руб.) (НА РТ, ф. 43, оп. 1, д. 48, л. 158). Штрафы взыскивали в пользу лесхозов и они были для них важной статьёй доходов: в документах производственных собраний 1952 г. отразилась информация, согласно которой задержка зарплаты и финансовые затруднения лесхоза объясняются в том числе тем, что бухгалтерия «не передает в народный суд дела для взыскания сумм в пользу лесхоза» (НА РТ, ф. 76, оп. 1, д. 102, л. 37).

В Молотовской области складывалась аналогичная ситуация: назначали ответственных лиц по каждому участку, с апреля 1948 г. ставили пожарных сторожей на каждом лесоучастке, контролировали курение в строго отведенных местах, вывешивали объявления и обращения ко всем гражданам призывающие к охране лесов от пожаров, устанавливали пожарные колокола, должны были проводить инструктажи с работниками (ГА ПК, ф.р-521, оп. 1, д. 4, л. 44–44 об.). Кроме того, важное место в работе руководства лесхоза занимала техника безопасности.

¹ Оюн Д. Лесники Тувы подвели итоги 60-летней работы [Электронный ресурс] // Wood.ru. 2006, 12 апреля. URL: <https://www.wood.ru/ru/loa436.html> (дата обращения: 7.05.2025).

Были случаи травматизма на лесозаготовках (за 1 квартал 1948 г. только в Чердынском ЛПХ было 7 несчастных случаев (ГА ПК, ф.р-521, оп. 1, д. 4, л. 57). Поэтому в стратегию руководства входило не только проведение инструктажа и семинаров по технике безопасности, но и вывешивание предупредительных вывесок «Валка леса — берегись» и «Осторожно — повал леса» (ГА ПК, ф.р-521, оп. 1, д. 4, л. 47).

Раз в квартал, а при необходимости ежемесячно, проводились совещания по технике безопасности, на них заслушивались доклады руководителей участков (ГА ПК, ф.р-521, оп. 1, д. 12А, л. 23). На технику безопасности выделялись средства, но фиксируются тактики руководителей по нецелевому расходованию этих средств, например, на зарплату рабочим и спецодежду (ГА ПК, ф.р-1366, оп. 1, д. 488, л. 10). Тут, кстати тоже можно отметить действие институциональной ловушки, при которой нехватка средств фонда заработной платы компенсировалась нецелевым использованием денег на технику безопасности. Сами инструктажи могли проводиться редко или вообще не проводится в реальности, виновные в нарушении техники безопасности не наказывались (ГА ПК, ф.р-1366, оп. 1, д. 488, л. 9 об.).

В ТАО документы подобную работу не фиксируют.

Руководство регулярно задерживало заработную плату по бюджетной и хозрасчётной деятельности — эта проблема существовала в обеих областях. Во всех отчетах лесхозов ТАО упоминается эта проблема и объясняется отсутствием средств (НА РТ, ф.76, оп. 1, д. 48, л. 144).

Задержки зарплаты в Молотовской области фиксируются по другой причине: «по причине невыполнения производственного плана», длительность задержки от 5–10 дней (ГА ПК, ф.р-1366, оп. 1, д. 488, л. 60б.) до «длительной систематической задержки» (ГА ПК, ф.р-1366, оп. 1, д. 488, л. 59). При этом имеется информация о случаях «обсчета путем невыписки нарядов на работу, утери нарядов, неправильного применения расценок и норм выработки» (ГА ПК, ф.р-1366, оп. 1, д. 488, л. 8).

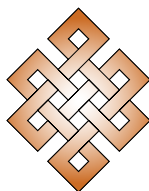
Денежные премии лесникам Тувы тоже предполагались (НА РТ, ф. 700, оп. 1, д. 26, л. 48), но только за перевыполнение плана. В Молотовской области по той же причине фиксируется большое количество премий для руководителей лесхозов.

В ТАО, как и по всей стране, была поставлена задача проводить социалистическое соревнование, но судя по отчетам, до середины 1950-х гг. рабочие лесхозов не всегда принимали в нем участие, нормы выработки не выполнялись (об этом есть во всех отчетах 1952 г.). Однако итоговые отчеты свидетельствуют о перевыполнении плана в лесной промышленности то на 100,1%, то на 116,3% (НА РТ, ф. 76, оп. 1, д. 102, л. 34). На производственном совещании Кызылского лесхоза это противоречие никого не удивило: «План 1951 г. выполнен на 116%, но большинство признано неудовлетворительным... лесозаготовки путем не ведутся, нет вывозки..., лошади куда попало ходят» (НА РТ, ф. 76, оп. 1, д. 102, л. 43). Видимо, в итоговой статистике имели место приписки. Об этом свидетельствуют материалы партсобраний собраний Улуг-Хемского леспромхоза в 1952 г. (НА РТ, ф. 167, оп. 1, д. 4, л. 61).

Впрочем, подлоги с зарплатой в лесном хозяйстве были повсеместной советской проблемой. Министерство лесного хозяйства СССР развернуло небольшую кампанию по борьбе с подлогами. Она началась с приказа № 266 25 мая 1948 г. «О нарушении правил лесопользования и финансовой дисциплины, очковтирательстве и злоупотреблениях в Борисовском леспромхозе и Минском областном Управлении Министерства лесного хозяйства БССР» (НА РТ, ф. 43, оп. 1, д. 1, л. 22), в котором описывалась ситуация нарушения правил отпуска леса, выписывания подложных лесбилетов на рубки, подложных санитарных рубок и ухода за лесом без реальных действий, составления подложных ведомостей на зарплату, использования лошадей лесхоза для личных нужд в личном хозяйстве: «лошади работают на стороне и используются рабочими без взимания платы за них» (НА РТ, ф. 76, оп. 1, д. 102, л. 36). Данный приказ был отправлен во все управления лесных хозяйств страны для принятия собственных мер, если имеются аналогичные ситуации.

Уже 30 мая 1948 г. газета «Тувинская правда» поместила в разделе «Письма в редакцию» статью «Деляги из лесхоза», в которой директора Кызылского лесхоза обвиняли в завышении цен на валежник для населения (НА РТ, ф. 43, оп. 1, д. 1, л. 24). Таким образом, реализовывалась практика поиска на местах недостатков, связанных с кампанией.

В Молотовской области специальных действий в рамках данной кампании не обнаружено, но деятельность по борьбе с хищениями в лесной отрасли велась регулярно. Приказ по тресту «Камречлес» за 22.03.1947 г. свидетельствует о том, что старшего бухгалтера отстранили от работы из-за подделки подписей рабочих на ведомостях о зарплате; он не сдавал в кассу деньги от рабочих по займу, присва-

ивал деньги за промтовары, а также самовольно взял 100 кг сена. Для борьбы с подобными нарушениями предлагалось проверить годовую отчетность (ПермГАСПИ, ф. 521, оп. 1, д. 2, л. 62). Но особенно много хищений фиксировали в торговле на территории ЛПХ. Дела о хищении государственного имущества возбуждались в 1947 г. достаточно часто. Имеется доклад прокурора Коми-Пермяцкого округа о борьбе с хищениями и растратами в потребкооперации и орсах в леспромхозах за 1946 г. (ПермГАСПИ, ф. 1366, оп. 1, д. 133).

Традиционный подход к организации труда привел к еще одной неформальной тактике взаимодействия руководства и рабочих. В Чаданском лесхозе ТАО было зафиксировано в 1952 г. использование работников лесной охраны на работах, не входящих в круг их обязанностей — в ремонте дороги, строительстве канала, в колхозах на уборке урожая (НА РТ, ф. 76, оп. 1, д. 93, л. 41, 50). Скорее всего, это было повсеместной практикой, но из-за восприятия ее в качестве нормальной — она не фиксировалась документами.

В Молотовской области фиксируется похожая ситуация, но рабочие используются на «второстепенных работах» (ГА ПК, ф.р-521, оп. 1, д. 6, л. 5). Однако при обнаружении данных ситуаций от руководства в обеих областях требуют их исправления.

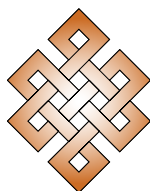
Коммунистическая партия тоже активно влияла на ситуацию в лесном хозяйстве, создавала первичные парторганизации ВКП(б), занимавшиеся идеологическим воздействием на работников лесного хозяйства, следила за нравственностью и организовывала социалистические соревнования. Лучшие инженерно-технические работники должны были читать лекции на технические и политические темы. Судя по обсуждению на техническом совещании работников лесхозов ТАО, в реальности лекции были редко (НА РТ, ф. 76, оп. 1, д. 102, л. 82), в лесхозах могли вообще не проводиться. Об этом пишется во многих отчетах за 1950-е гг. Однако на лесозаводе, в отличие от лесхозов, лекции проводились достаточно регулярно.

Таким образом, трудовая дисциплина вызывала серьезную озабоченность власти в обеих областях. Причем руководящие указания, содержащие набор стратегий, исходили из центра. В Туве эти руководящие указания нашли продолжение в борьбе за оформление трудовых книжек, контроле за зарплатой и борьбе с лесными пожарами и незаконной рубкой леса. Темы социалистического соревнования, борьбы с лесными пожарами, использования труда рабочих не по профилю их работы, задержки заработной платы занимали одинаково важное место в обеих областях. В Молотовской области проблемы с трудовыми книжками не выявлялись, а нарушения выплат, зарплат, в том числе махинации с ними — были постоянной темой для обсуждения в документах (в Туве тема незаконной выплаты зарплаты поднималась только в рамках общесоветской политической кампании). Но добавлялись в Прикамье и другие темы взаимодействия руководителей и рабочих: техника безопасности и предотвращение несчастных случаев (в Туве о них нет упоминаний), отсутствие заботы руководителей о бытовом благополучии лесозаготовителей.

Заключение

Документы архивов позволили найти сходства и отличия в организационных тактиках и обусловленных различиями культуры стратегиях работников лесной промышленности Тувинской и Молотовской областей. Лесное хозяйство обоих регионов реорганизовывалось в послевоенные годы. Области территориально не сильно отличались, но природный горный ландшафт Тувы и территориальное расположение Молотовской области на Транссибирской магистрали обусловили различия в размерах лесной промышленности: в Молотовской области добывали на 3 млн га больше древесины, леспромхозы объединялись в тресты, рабочая сила долго формировалась из числа принудительных мигрантов.

Плановая экономика позволяла мобилизовать огромные ресурсы, но она порождала проблему неэффективности. Любой управленец оказывался зажатым между имеющимися правилами и качественной результативностью. Чтобы быть эффективным, он вынужден был нарушать правила. Д. Норт называл такую ситуацию институциональной ловушкой. Институты задают правила игры, позволяющие избежать издержек, но, в то же время, они снижают возможность новаций и маневра (Норт, 1997). Тактики областных руководителей схожим образом были продиктованы руководящими указаниями центральной власти, но даже на этом уровне обнаруживаются различия стратегий, например, уголовное преследование за прогулы и дезертирство из лесхозов отсутствует в обеих об-

ластях (учитывая нехватку рабочей силы, это вполне логичный способ выхода из институциональной ловушки), но тувинские власти не призывали использовать данные законы, а в Молотовской области на совещаниях часто напоминали о необходимости применения законов о дезертирстве с предприятий.

В леспромхозах обеих областей имели место нехватка рабочей силы, большие возвратные потоки переселения и сложные условия труда, ограничения в потреблении благ. Власть разными способами пополняла состав работников. Для решения проблем зачастую использовались неформальные стратегии, которые наряду с формальными, обеспечивали более-менее эффективное функционирование предприятий лесной промышленности, хотя план постоянно выполнялся лишь частично и проблема организации соцсоревнований существовала в обеих областях.

В повседневной жизни леспромхозов были схожие бытовые проблемы, большую роль играли практики военного времени и строились они на принципах плановой экономики. Например, хлеб и горячее питание не нужно было покупать на зарплату, еду должны были «обеспечить». Обмундирование и обувь тоже выдавали. Проблемы с жильем решались, с одной стороны, по советским нормам, с другой стороны — были тактики обеспечения личного преимущества в сложном жилищном вопросе, а в ТАО проблема с жильем решалась через традиционные тактики — работники лесхоза проживали в своей традиционной юрте.

В отношении досуга предписывалось создание «красных уголков», наполненных настольными играми и служивших местом проведения лекций и идеологической работы. Однако, на практике в обеих областях они либо не создавались в связи с отсутствием места, либо не наполнялись оборудованием. И главную досуговую роль начинало играть потребление спиртного, что плохо сказывалось на трудовой дисциплине и выполнении планов.

Таким образом, можно выделить схожесть властных стратегий в Тувинской и Молотовской областях, направляемых центральной властью, схожесть проблем профессионального и бытового характера. Что касается тактик, то при очевидной схожести реакций работников на властные стратегии (например, употребление алкоголя при тяжелой физической работе и отсутствии культурной альтернативы) были и различия, обусловленные политическими, территориальными и культурными особенностями областей. К середине 1950-х гг. в обеих областях рабочий процесс начал налаживаться, текучка кадров снизилась, государство проводило небольшие общесоветские кампании по борьбе с экономическими нарушениями в лесном хозяйстве, обеспечивало нормальную постоянную оплату труда.

Благодарности

Благодарим коллег из деканата исторического факультета и с кафедры отечественной истории Тувинского государственного университета за теплый прием во время командировки в Национального архива Республики Тува и неоценимую помощь в поиске редкой книги Т. Верещагиной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Глушков, А. В. (2024) Добровольные трудовые переселенцы в лесной промышленности Молотовской области в 1950-е гг.: притягивающие факторы // Вестник Томского государственного университета. № 498. С. 70–79. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/498/8>

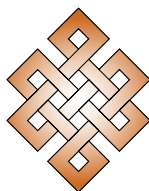
Глушков, А. В., Козлова, К. О., Исмакаева, И. Д. (2024) Брошюры как форма агитационных материалов в период переселенческих кампаний в СССР во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. № 1 (67). С. 75–84. DOI: <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-1/75-84>

Гончаров, Г. А. (2016) «Труدمобилизованные» из среднеазиатского военного округа на Урале в годы Великой Отечественной войны // Magistra Vitae. № 1. С. 43–48.

Дабиев, Д. Ф. (2020) Экономические исследования в период Тувинской автономной области (1945–1961 гг.) // Новые исследования Тувы. №2. С. 260–275. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.18>

Колесников, Б. П., Шиманюк, А. П. (1969) Леса Пермской области // Леса СССР / гл. ред. А. Б. Жуков. М. : Наука. Т. 4. 767 с. С. 5–63.

Коропачинский, И. Ю., Федоровский В. Д. (1969) Леса Тувинской АССР // Леса СССР / гл. ред. А. Б. Жуков. М. : Наука. Т. 4. 767 с. С. 321–349.

Ламажаа, Ч. К. (2021) Социальные общности и социальные связи тувинцев в XIX — начале XXI в. // Ермолаевские чтения. № V / отв. ред. В. С. Чигжит Кызыл : Издательский отдел Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина Республики Тыва. 284 с. С. 7–10.

Мамяченков, В. Н. (2017) Подсобные хозяйства предприятий и организаций Свердловской области: кризис 1945–1953 гг. // Научный диалог. 2017. № 8. С. 272–287. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-8-272-287>

Норт, Д. (1997) Институты, институциональные изменения и функционирование экономики : пер. с англ. А. Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. М. : Фонд экономической книги «Начала». 180 с.

Салатова, А. А. (2022) Внутренняя возвратная миграция переселенцев Молотовской области в 1945–1953 гг.: репрезентация в архивных документах // Международная научно-практическая конференция «Национальная политика и миграционные процессы в Советском Союзе» к 100-летию создания СССР : сборник материалов / отв. ред. С. В. Неганова, А. В. Черных. Пермь : Перм. гос. архив социал.- полит. истории. 655 с. С. 368–376.

Серто, М. де (2013) Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 330 с.

Шабалин, В. В. (2014) Распил по-быковски (о коррупционных практиках военного времени) // История в подробностях. № 8. С. 68–75.

Дата поступления: 10.06.2025 г.

Дата принятия: 08.09.2025 г.

REFERENCES

Glushkov, A. V. (2024) Voluntary labour migrants in the forestry industry of Molotov Region in the 1950s: pull factors. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 498, pp. 70–79. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/498/8>

Glushkov, A. V., Kozlova, K. O. and Ismakaeva, I. D. (2024) Brochures as a form of propaganda material during the resettlement campaigns in the USSR in the late 1950s — early 1960s. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 1(67), pp. 75–84. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-1/75-84>

Goncharov, G. A. (2016) “Labour-mobilized” from the Central Asian Military District in the Urals during the Great Patriotic War. *Magistra Vitae*, no. 1, pp. 43–48. (In Russ.)

Dabiyev, D. F. (2020) Economic research during the period of the Tuvan Autonomous Region (1945–1961). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 260–275. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.18>

Kolesnikov, B. P. and Shimanyuk, A. P. (1969) Forests of Perm Region. In: Zhukov, A. B. (ed.) *Forests of the USSR*, vol. 4. Moscow, Nauka. 767 p. Pp. 5–63. (In Russ.)

Koropachinsky, I. Yu. and Fedorovskiy, V. D. (1969) Forests of the Tuvan ASSR. In: Zhukov, A. B. (ed.) *Forests of the USSR*. Moscow, Nauka. Vol. 4. 767 p. Pp. 321–349. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Social communities and social connections of Tuvans in the 19th — early 21st centuries. In: Chigzhit, V. S. (ed.) *Ermolaev Readings*. Kyzyl, Publishing Department of the National Library of the Republic of Tuva. No. V. 284 p. Pp. 7–10. (In Russ.)

Mamyachenkov, V. N. (2017) Subsidiary farms of enterprises and organizations of Sverdlovsk Region: the crisis of 1945–1953. *Nauchnyy dialog*, no. 8, pp. 272–287. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-8-272-287>

North, D. (1997) *Institutions, institutional change and economic performance*. Transl. from English by A. N. Nesterenko, introd. and ed. by B. Z. Milner. Moscow, Nachala Economic Book Foundation. 180 p. (In Russ.)

Salatova, A. A. (2022) Return internal migration of settlers of Molotov Region in 1945–1953: representation in archival documents. In: Neganova, S. V. and Chernykh, A. V. (eds.) *International Scientific and Practical Conference “National Policy and Migration Processes in the Soviet Union” to the 100th Anniversary of the Creation of the USSR*: Conference Proceedings. Perm, Perm State Archive of Socio-Political History. 655 p. Pp. 368–376. (In Russ.)

Certeau, M. de (2013) *The practice of everyday life. 1. The art of making*. Transl. from French by D. Kalugin and N. Movnina. St Petersburg, European University at St Petersburg Press. 330 p. (In Russ.)

Shabalin, V. V. (2014) Sawing “Bykov-style” (on corruption practices during wartime). *Istoriya v podrobnostyakh*, no. 8, pp. 68–75. (In Russ.)

Submission date: 10.06.2025.

Acceptance date: 08.09.2025.